

Живет в Лейпциге (Германия).

Освоение пространства

обосновавшись в новом городе
расставляешь вещи по своим местам
машины фонари соседей дома
самолёты небо
заполнив пространство
не находишь себе места -
переезжаешь

Поэма воды

I.

я шёл на запад, вышел на востоке;
у светофора добрые глаза, и в них
слезится электрический разряд.
в копилку счастья сколько денег не кидай,
скороговоркой повторяя:
это нам на крепкий чай, на случай,
если кончится кино, и мы останемся
с тобой вдвоём, с темнотой наедине,
как первые те. и дух, невидимый,
неуловимый, над нами будет виться
комаром. как притяжение воды
к луне, как лампочки в глазах, мы
будем отражаться в разбитых
зеркалах и созерцать себя извне,
ну т.е. плакать.

II.

ночь, вошедшая в квартиру сквозь
грязное окно, прячется под утро
в ледяной холодильник. на кухне
храбрый поэтишка бьёт спящих мух,
бросается в великанов жирными словами:
потому что время скрывается под скорлупой яйца,
потому что люди редко живут больше ста,
потому что натюрморт лица
гниёт недельной щетиной,
потому что, как не шарь в темноте,
после конца от черного кота
остаётся искусственный мех,
от чеширского – смех,
перерезающий пуповину.

III.

нашедший подкову видит в пути
добрый знак. потерявший подкову
скачет впопыхах за границу.
банальна – любая власть,
тоталитарна – любая система,
поселившаяся в голове человека.
страх – провалиться в пустоту –

никогда не поймёт прирученная машина.
мышь шуршит, точит файлы
треугольным зубом,
то, что я сейчас себе говорю,
аукнется на дне колодца:
слышишь, как маркс с развевающейся
по ветру бороною из марсианской
пустыни нам шлёт приветы?

IV.

открываю бумажную дверь:
сквозняк и римское право. казнить или
миловать, или, или, или. я забыл,
что я есть без тебя, что каждый день твой,
а мне остались звёздные ночи
и холодная глина, что все реки впадают
в твои глаза, что в поэзии можно всё
и даже чуть-чуть больше, что вселенная
тихо тикает со дня большого взрыва.

V.

я хотел уйти из города с крысоловом.
он был честен со мной, рассказал, что
из города уйти нельзя, что город
повсюду, что сами люди и есть города. затем
я встретил трёх философов: первый утверждал,
что наш мир круглый и полый,
как пластмассовый глобус.
второй говорил, что мир плоский и тонкий,
как бумажная карта.
а третий, что там, откуда он родом,
ещё не изобрели ни карт, ни глобусов,
и по этой причине наш мир не создан.

VI.

я слышу голоса, когда я иду по улице.
память, заняв верхнюю часть лица,
дёргает за нитку языка, повторяя ля-ля, ля-ля.
раздетые деревья стоят неподвижно
на голове. остановившись у озера,
спускаю штаны, чтобы измерить воду.
за тридцать лет налило столько дождя,
впору аквариумных рыбок выпускать

на свободу. так уезжая, видишь в зеркало
заднего вида машины, людей, дома,
то что осталось позади, но не себя.
ненасытное сердце, как дракон, пьёт
кровь — не в силах остановиться.

Улитка на обочине

Алёнке

здесь должны были быть стихи
об улитке, о её жизни в зарослях.
но вместо стихов
я написал детектив:
неизвестный преступник
убил маленькую улитку и выбросил её труп
на обочину дороги. полиция теряется в догадках,
в поисках улики прочёсывает густую траву
мелкой расчёской. прошёл слух о маньяке.
все улитки в округе опасаются покидать дома...
читатель любит детективные истории,
прости, улитка.

О себе

Родился в 1981 г. в Красноярске, обучался на факультете иностранных языков в КГПУ им. В. П. Астафьева. С 1999 г. живёт в Германии. Выпускник Лейпцигского университета по специальностям политолог, историк, филолог-русист. Публиковался на русском и немецком языках в Германии (Die Abschaffung des Ponys; Schlafende Hunde III; OSTRAGEHEGE) и России (День и ночь; Крещатик; Журнал Поэтов и др.). Один из основателей русско-немецкого литературного объединения buterbrod.

